

— Хорошо! Цзэу-цзюнь, пожалуйста, передайте Лань Чжаню, что я вернусь чуть позже.

После того как Цзэу-цзюнь ушел, Юнь Фэн использовал духовную силу, чтобы создать защитный барьер, взял Вэй Усяня за запястье и, ощутив пульс, спросил:

— А Сянь, ты в последнее время чувствовал какие-то недомогания?

— Дагэ, с моим телом что-то не так?

— Нет, я хочу уточнить кое-что. Несколько дней назад Линьэр сказала, что в золотом ядре Цзяна Цзунчжу обнаружила божественное присутствие. Сегодня, когда я тебя спасал, я также обнаружил в твоём теле остатки божественных каналов, которые постепенно восстанавливаются. Изначально я лишь подозревал, ведь о божественных каналах я читал только в книгах и никогда не сталкивался с ними лично. Но ты смог тяжело ранить Владыку Демонов, что подтвердило мои подозрения. А Сянь, ты когда-то был божеством.

— Я? Был божеством? Какой бог мог прожить жизнь более несчастную, чем я?

Вэй Усянь покачал головой. Если бы эти слова не исходили от Повелителя Духов, главы расы Духов, он бы подумал, что это какая-то нелепая сцена из пьесы.

— А Сянь, поверь мне. Когда мы встретились на горе Луаньцзан, ты, несмотря на тяжелое состояние, смог разрушить тысячелетнюю печать зловещей энергии и самостоятельно создать Темный Путь. В Безночном Городе ты, будучи простым смертным, в одиночку одолел пять тысяч практикующих. За месяц ты создал Тигриную Печать Преисподней из фрагмента Темного Железа, подавив марионеток, которых Вэнь Жохань создавал годами. Как простой смертный мог управлять тысячами призрачных солдат, командовать войсками духов и демонов?

— Я...

— Не говори, что это из-за твоих выдающихся способностей, ведь ты и так был божеством. Твои божественные каналы постепенно восстанавливаются. Если я не ошибаюсь, твоё тело, должно быть, претерпевает какие-то изменения. А Сянь, ты в последнее время видел что-то необычное в бессознательном состоянии?

— Даже если я когда-то был божеством, сейчас я лишь падшее божество, отвергнутое Небесным Законом. Такова ли моя судьба?

Он поднял взгляд на бескрайнее небо, улыбнулся, и в его глазах блеснули слезы. Его безумное выражение лица напоминало Старейшину Илин, того самого, кто был зловещим и безумным в Безночном Городе.

Прорвав защитный барьер, он в мгновение ока растворился в ночной тьме.

— Сян-гэ!

Юнь Лин хотела последовать за ним, но брат остановил ее:

— Оставь его одного. Кто угодно, узнав, что он падшее божество, может быть не в состоянии это принять.

— Но Сян-гэ такой хороший, как он мог пойти против Небесного Закона и стать падшим

божеством?

— А если он не пошел против Небесного Закона, а добровольно пожертвовал своей божественной костью, чтобы защитить все живое?

— Какой бог может быть настолько глупым? Став божеством, он обретает безграничную силу и вечную жизнь. Для богов все живое — словно муравьи. Какой бог добровольно жертвует своей божественной костью ради ничтожных муравьев?

— Он есть. Он не мог смириться с гибелью невинных и в одиночку сразился с Владыкой Демонов, пожертвовав своей божественной костью, чтобы уничтожить его душу и обеспечить тысячелетие мира. Вот только я не знаю, является ли А Сянь этим богом.

— Если Сян-гэ — он, как мы можем ему помочь?

— Между ним и Владыкой Демонов неизбежно произойдет битва. Мы не можем позволить ему снова сражаться в одиночку. Если он защищает всех, то и все должны защищать его!

Вэй Усянь бесцельно блуждал в темноте, слова Юнь Фэна продолжали звучать в его ушах:

— Я падшее божество! Падшие божества идут против Небесного Закона и приносят беды своим близким. Поэтому мои родители умерли рано, Пристань Лотоса была уничтожена, Цзян Шушу, госпожа Юй и Шицзе погибли, Лань Чжань пережил столько страданий, а я сам чуть не погиб. Как это могло случиться?

Потерянный и подавленный, он бесцельно бродил, но неожиданно оказался перед Цзинши. Окно было открыто, и из него лился мягкий свет. Его взгляд невольно притянулся к этому свету. Лань Чжань еще не спал. Его Лань Чжань зажег для него теплый свет и ждал его возвращения. Глаза снова наполнились слезами. Лань Чжань такой хороший, он не должен причинять ему вред. Но сейчас тот серьезно ранен и нуждается в нем. Он уйдет, как только Лань Чжань полностью выздоровеет.

Решившись, Вэй Усянь быстро проскользнул в комнату через окно. Лань Ван сидел на кровати с закрытыми глазами, погруженный в медитацию. Услышав звук, он тут же открыл глаза:

— Вэй Ин.

Увидев, что его глаза полны крови, а слезы еще не высохли, он нахмурился:

— Вэй Ин, что случилось?

— Ничего, наверное, просто выпил лишнего. Лань Чжань, ты серьезно ранен, зачем ты так напрягаешься, ожидая меня?

Подойдя к нему, он взял его прохладные ладони и нежно прижал их к своим щекам.

Лань Ван также взял его пальцы и поцеловал их, глядя, как улыбка на его лице скрывает былую печаль. На его губах также появилась легкая улыбка.

— Лань Чжань, ты так прекрасно улыбаешься, обязательно улыбайся чаще, даже если меня не будет рядом, хорошо?

Лань Ван вздрогнул, его взгляд стал холодным, как лед:

— Вэй Ин, ты уходишь?

Видя его неподдельное напряжение и боль, Вэй Усянь почувствовал укол в сердце и поспешил успокоить:

— Нет, ты такой хороший, как я могу тебя оставить?! Лань Чжань, уже поздно, тебе пора спать.

— Хм, вместе.

— Хорошо, вместе!

Уложив Лань Вана на бок, чтобы не давить на рану, он лег рядом.

Лань Ван обнял его руку и только тогда спокойно закрыл глаза.

Из-за серьезного ранения и потери духовной силы он быстро уснул. Вэй Усянь закрыл глаза, и перед ним снова появились бескрайние поля красных цветов, ярких, как кровь. Их лепестки напоминали ладони, молящиеся Небесам, столь преданные, страстные и отчаянные, словно его безнадежная любовь и судьба. Внезапно в глубине души он почувствовал что-то знакомое в этих цветах и даже начал их любить.

Блуждая в море цветов, он вдруг увидел, как они превратились в бескрайнее кровавое пламя, обжигающее каждую частичку его кожи и костей. Невыносимая боль заставила его проснуться. Посмотрев на спящего рядом человека, он осторожно встал с кровати, боясь снова уснуть.

Грудь сжалась от тоски, и он вспомнил о таинственных цветах из сна. Взяв бумагу, он начал рисовать. Один цветок, второй, десятки, пока не получилось целое море цветов.

Человек на кровати почувствовал, что место рядом стало холодным, и встал. Осторожно подойдя к нему сзади, он увидел, что тот рисует цветы. Его светло-янтарные глаза наполнились болью. Обняв его, он сказал:

— Вэй Ин, почему ты не спишь? Ты рисуешь манчжусаку?

— Ты знаешь эти цветы?

— В библиотеке, в запретной комнате, я видел эти цветы. За шестнадцать лет твоего отсутствия я пытался найти тебя. Манчжусака цветет на Дороге Желтых Источников, ведущей в Подземный мир.

Внезапно его лицо омрачилось:

— Если ты не знаешь эти цветы, зачем ты их рисуешь? Вэй Ин, ты что-то от меня скрываешь?

Чувствуя напряжение рядом, он крепче сжал руку, лежащую на его талии:

— Лань Чжань, я почти умер, поэтому образы этих цветов в моей голове неудивительны.

— Вэй Ин, хватит!

Холодные глаза Лань Вана стали еще леденящее. Он не хотел, чтобы Вэй Ин вспоминал свои страдания. С тех пор как он вернулся, Лань Ван всегда старался оберегать его, надеясь, что на его лице снова появится беззаботная улыбка юности. Но пережив смерть, он, хотя и сохранил

свою природную улыбку, глубоко внутри хранил боль, которая часто проявлялась в его снах. Каждый раз, слыша его крики во сне, Лань Ван чувствовал, как его сердце разрывается. Он сожалел, что не смог защитить его.

— Лань Чжань, пора спать, ты ранен, тебе нужно отдыхать!

Притворившись рассерженным, он уложил его в постель.

Лежа лицом к лицу, глядя на холодное, но прекрасное лицо Лань Вана, он вдруг засмеялся, его глаза сверкнули:

— Лань Чжань, как ты можешь быть таким красивым? Если бы я встретил тебя тысячу лет назад, все было бы иначе?

— Ты красивее, Вэй Ин. Тысячу лет назад нас не было, почему ты так думаешь?

— Просто дразню тебя, ты все такой же серьезный. Я просто болтаю, а ты так серьезно отвечаешь!

— Хм, я отвечу на любой твой вопрос.

— Лань Чжань, когда ты выздоровеешь, мы поедem в город Цайи. Дагэ подарил мне дом, мы поедem туда вместе.

— Хорошо.

— Я также хочу показать тебе Пристань Лотоса. Цзян Чэн сказал, что это тоже мой дом. Я давно хотел показать его тебе, а также почтить память Цзян Шушу, госпожи Юй и Шицзе.

— Хорошо!

— Лань Чжань, спи!

— Хорошо!

Под его болтовню Лань Ван снова уснул. На этот раз он не встал, а лишь поправил одеяло и сел на кровати, погружившись в медитацию.

<http://bllate.org/book/16226/1457692>